

Лещенко Петр

17.01.96

НА ЖИТЕЙСКИХ ПЕРЕКРЕСТКАХ

Труд. - 1996 - 17 янв.

Тот самый Лещенко

Однажды, читая чьи-то военные мемуары, я нашел в них следующий эпизод: в Бухаресте осенью 1944 года к автору «подошел пожилой человек в некогда элегантном, а теперь поношенном костюме. Он с интересом расспрашивал о жизни в России и тосковал по утраченной Родине. Это был эмигрантский певец Петр Лещенко».

Мне сразу стало ясно, что автор просто хотел украсить свои мемуары, настоящего же Петра Лещенко не видел и с ним не встречался. Уж больно многое походило на неправду. Во-первых, Лещенко никогда не был эмигрантом. Он вырос в Бессарабии, входившей тогда в состав Румынии, — именно она его настоящая родина. Во время описываемых событий (в 1944 году) был хозяином процветающего кабаре, одного из лучших в тогдашнем Бухаресте, и ни в каких «теперь поношенных костюмах», естественно, не ходил. И самое главное — в 1944 году, когда наши войска вошли в Румынию, пожилым человеком его нельзя было назвать: ему исполнилось всего 46 лет...

Мне довелось слушать концерт Петра Лещенко в самом конце войны. Часть, в которой я тогда служил в чине старшего сержанта отдельной разведроты, была расквартирована на окраине Бухареста. Жизнь там после ареста немецкого ставленника Антонеску и объявления молодым королем Михаем о вступлении Румынии в антигитлеровскую коалицию быстро

входила в мирное русло. На улицах царило оживление, работали магазины, открылись увеселительные заведения. В том числе и популярное в городе кабаре Петра Лещенко.

Когда сюда вошла Красная Армия, он на входе своего кабаре вывесил большой плакат: «Господам русским офицерам и солдатам вход бесплатный». Но наша городская военная комендатура распорядилась по-своему: у дверей кабаре выставили комендантские патрули, чтобы «господа русские офицеры и солдаты» не вздумали пойти на «богемный» концерт...

Я решил попасть в кабаре Лещенко, чего бы мне это ни стоило. У хозяина дома, в котором я был расквартирован, позаимствовал щегольской синий пиджак, светлые брюки, лаковые штиблеты, рубашку с галстуком и даже шляпу-канотье. А чтобы окончательно придать себе заграничный вид, я густо набриллинил волосы и расчесал их на прямой пробор.

...Что сохранила память о том давнем эпизоде? Прежде всего облик самого Петра Лещенко — во фраке, под белым фразным галстуком на груди его манишки блеснул какой-то орден. Некоторые вещи он исполнял, аккомпанируя себе на гитаре, а оркестр вторил ему под сурдинку. Состоял он всего из восьми-десяти человек. Правда, это были первоклассные музыканты, каждый по мере необходимости мог сменить два-три инструмента.

Оркестр звучал великолепно.

Конечно, внимание мое было сосредоточено только на Лещенко. Остальную часть программы я запомнил хуже: кажется, был балетный номер, и еще имела успех молодая певица, исполнявшая наряду со старинными цыганскими романсами, известными мне, вещи незнакомые. Запомнилась, например, стилизованная под восток песня «Ханум»...

Прошло много лет, и в нашу страну приехала известная певица Алла Баянова. Однажды я отправился на ее концерт в Театр эстрады. В фойе у касс занял очередь. Вдруг распахнулась дверь, и вошла, а точнее, влетела сама певица в сопровождении свиты поклонниц. В меховой шапке-боярке и леопардовом жакете, одаривая улыбкой оживившуюся очередь, она попросила пропустить ее к кассе, чтобы взять билеты для свиты. Люди обступили ее, выражая свое восхищение. Не утерпел и я. Подойдя к ней, сказал: «Здесь из всех присутствующих я — самый давний ваш поклонник и почитатель». — «Это как же?» — удивленно спросила она. — «Так ведь вы та молодая певица, которую я слушал еще в 1944 году в Бухаресте, в кабаре Петра Лещенко».

«О, как молоды мы тогда были!», — грустно улыбнулась она уходя, а я, взяв билет, отправился слушать ее в зрительный зал.

Кирилл МАЛЯНТОВИЧ,
ветеран войны.